

Глава тридцать первая, в которой неожиданные гости едва не приводят к беде

В Янчжоу после отъезда Дайюй и её провожатых Поместье инспектора соляного надзора сиротливо опустело. Линь Хаю было непривычно созерцать эти притихшие, просторные залы, однако соображения безопасности не оставляли ему выбора.

К счастью, великий князь Сыту Жуй, хоть и помалкивал, прекрасно понимал чужую тоску. Он старался как можно чаще оставаться подле него, стремясь мягко развеять эту глухую печаль.

Линь Хай ценил заботу, но на уступки не шёл — благоверный князь вознамерился под этим предлогом перебраться прямиком в его личные покои. Намерения у Сыту Жуя были самые недвусмысленные, так что Инспектор соляного надзора лишь качал головой: и думать забудь.

Впрочем, препираться им довелось недолго. Спустя считанные дни хлынули затяжные ливни, вода в реках поднялась, и в нескольких местах прорвало плотины.

Получив известие, Линь Хай пришёл в ярость. Докладную записку он отправил в столицу ещё до отъезда дочери, и по всем расчётам она давно должна была лежать на императорском столе. Но сейчас важнее было спасать людей. Лезть на рожон и снова препираться с ведомством русел рек он не собирался, однако пострадавшие уезды подчинялись Янчжоу.

Поразмыслив, инспектор отправился прямиком к янчжоускому градоначальнику. Нынешний глава местной управы, тоже выходец из сословия книжников, сдавал экзамены годом позже Линь Хая. Продвигался он ходко, иначе не видать бы ему столь сытного места.

Служа в одном городе, они частенько сталкивались. Прежде, когда разгорелась вражда между Линь Хаем и Чжао Кунем, градоначальник держался в стороне. Хоть он и правил Янчжоу, но и Инспектор соляного надзора, и генерал-губернатор русел рек стояли чином выше — соваться в их распри себе дороже. Однако теперь, перед лицом потопа, кресло под ним зашаталось. Градоначальник отлично понимал: случись беда, головы не сносить. Поэтому, едва Линь Хай переступил порог, тот без лишних церемоний взмолился о помощи.

Разлившиеся воды временно утихомирили политические бури в Цзяннани. Император, получив донесения от обеих сторон, не спешил с решениями и оставил прошения без ответа. Вместо этого он отправил в пострадавшие земли доверенных лиц для раздачи помощи.

Линь Хай разгадал замысел государя: сначала усмирить стихию, а уж после разбираться с виновными. Успокоившись, он принялся помогать градоначальнику с раздачей зерна, а заодно без лишнего шума копил новые свидетельства. Чжэни не отступятся — в этом Инспектор соляного надзора не сомневался. Рано или поздно грянет бой, и к нему следовало подготовиться.

Сыту Жуй скрепя сердце наблюдал, как его возлюбленный крутится белкой в колесе, не зная отдыха. Поделать великий князь ничего не мог: дабы не привлекать лишнего внимания и не

путать карты, ему приходилось скрываться в тени. Всё, что он мог — это ежедневно донимать императорского лекаря Чжэна, требуя целебных отваров и укрепляющих снадобий, а затем лично следить, чтобы Линь Хай осушал чашу до капли.

Отказать великому князю было невозможно, и Линь Хай лишь беззлобно подшучивал, дескать, тот заделался образцовой супружницей. Сыту Жуй в ответ лишь выгибал бровь и снисходительно молчал. Шутки шутками, а суть их союза обоим была ясна без слов.

О столичных и янчжоуских тревогах Дайюй почти ничего не знала. Сопровождавший её принц Сыту Юй получал вести из управы, но помалкивал, не желая омрачать девичьи мысли. Спустя десять с лишним дней пути до столицы оставалось чуть больше суток ходу. В этот полдень их суда пришвартовались у небольшого причала, не доходя до столичных врат.

Время ещё позволяло нажать на весла и причалить к главному столичному пирсу до сумерек. Но тогда возникли бы трудности: у причала их непременно поджидали бы слуги из дома Цзя, а являть им лики Сыту Юя и шестого принца Сыту Цзиня никак не следовало. Рассудив здраво, они решили сойти на берег заранее и пробираться в город разными дорогами.

Сам причал оказался невзрачным, но благодаря тому, что их суда заняли места для казенного флота, толкотни удалось избежать.

Неугомонный Сыту Цзинь так настойчиво зазывал Дайюй поглазеть на суету у берега, что та не выдержала. Рассудив, что снизу, с береговой полосы, высокую палубу не разглядеть, она уступила его детскому восторгу.

Матушка Лю и служанки недовольно хмурились, но шестой принц упрямством превосходил любого осла — спорить с ним было без толку. Раз барышня согласилась, няньки лишь смирились и бережно водрузили ей на голову шелковую шляпу с густой вуалью.

Сыту Юй в это время распределял людей. Завтра на рассвете они с братом должны были сойти на сушу и двинуться к воротам верхом. Напутствовать охрану следовало строго — хотя вблизи столицы разбойники редко дерзали нападать на казенные барки, береженного бог бережет.

Не успел он отдать и половины распоряжений, как донесли: шестой тащит девицу Линь на палубу. Принц раздосадованно вздохнул. Ох уж этот сорванец Цзинь, вечно от него одни заботы.

Опасаясь превратностей, Сыту Юй поспешил наверх. К его облегчению, Дайюй держалась скромно и под бдительным присмотром матушки Лю не подходила к самому борту. Борты у флагманского судна высились неприступной стеной, надежно скрывая стоявших от праздных взглядов снизу.

Подойдя ближе, Сыту Юй легонько щелкнул брата по лбу:

— Вечно ты ребячишься.

— Старший брат только и умеет, что помыкать мной! — заворчал тот, потирая лоб. — Юй-эр столько дней томилась в душной каюте, а на пристани такое веселье! Мы ведь просто смотрим, никто снизу нас не разглядит.

Сыту Юй лишь покачал головой от такой детской логики. Не став спорить с упрямцем, он повернулся к Дайюй:

— Раз уж мы бросили якорь, не приглянулось ли тебе чего на берегу, сестрица? Могу послать слуг разузнать, что тут продают.

Дайюй прикрыла улыбку шелковым веером:

— Не брани его, брат Юй. Я и впрямь засиделась в четырех стенах. А из вещей мне ничего не надобно, на судне и так всего в достатке.

Принц мягко улыбнулся, но тут его взор привлёк причаливший неподалеку крупный корабль. Нахмурившись, он подошел к самому поручню и принялся всматриваться в чужую палубу. Спустя мгновение он подозвал доверенного слугу и негромко приказал выведать, чей это борт.

Почуввав неладное, Дайюй не стала расспрашивать и собралась уйти к себе. Но едва она развернулась, как на палубу с легким шорохом, точно с небес, спикировала человеческая тень. От неожиданности барышня испуганно отшатнулась, едва не потеряв равновесие.

Охрана мгновенно схватилась за рукояти клинков, но прежде чем сталь покинула ножны, раздался звонкий, раскатистый смех:

— А я-то думал, глаза мне лгут! Неужто и впрямь вы, шестой кузен?

В первый миг Сыту Юй и сам напрягся, но, разглядев незваного гостя, лишь досадливо поморщился и жестом велел стражникам отступить. Небрежным движением он заступил дорогу пришельцу, надежно загораживая собой Дайюй. Та в этот момент судорожно цеплялась за руку побледневшей Бань-ся, силясь устоять на ногах.

Сквозь плотную шелковую сетку сквозило глубокое девичье возмущение.

«Каков нахал! — подумала она, поправляя съехавшую шляпу. — Видать, близкий знакомец брата Юя, но манеры у него... точно у разбойника с большой дороги».

Опустив очи, Дайюй заранее преисполнилась к незваному гостю острой неприязнью.

Между тем возмутителем спокойствия оказался юноша лет шестнадцати, сверстник Сыту Юя. Осанка его была царственной, черты лица — точеными и благородными, а роскошный узорчатый халат лишь подчеркивал стать породистого столичного щеголя. С первого взгляда становилось ясно: этот отрок принадлежит к высшей знати.

Сыту Юй, глубоко уязвленный столь бесцеремонным вторжением в присутствии дамы, процедил сквозь зубы:

— Верно говорят, что у тебя ума палата, да воспитания ни на грош. Вламываешься на чужую палубу без спросу — не боишься, что мои нукеры примут тебя за лазутчика и выпустят кишки прямо здесь?

Гость, заметив за плечом кузена нежные очертания женской фигуры, мгновенно умерил пыл. Осознав оплошность, он густо покраснел и поспешно поклонился в сторону вуали:

— Прошу благородную барышню простить мою непростительную глупость. — После чего виновато развел руками перед Сыту Юем: — Братец, я с соседней баржи заприметил твою стать и от радости совсем голову потерял. Не гневайся на неразумного младшего.

После таких слов Сыту Юй лишь вздохнул. Ссориться с этим оболтусом не имело смысла. Перед ним стоял его двоюродный брат, Сыту Мин — внук старого великого князя Миньи, одного из двух уцелевших братьев покойного государя. Престарелый князь ныне верховодил в Палате императорского рода, пользовался непререкаемым почетом, и даже нынешний император выказывал ему особое почтение. Сами молодые люди выросли бок о бок и прежде были неразлейвода, пока служба в Янчжоу не развела их на пару лет.

Родственные связи столичной знати Дайюй занимали мало. Почувствовав неловкость, она тихонько шепнула:

— Брат Юй, позволь мне уйти к себе.

Сыту Юй поспешно кивнул и шепнул матушке Лю, чтобы та увела барышню подальше от нескромных глаз.

Беда пришла откуда не ждали. Пытаясь обойти стоявшего посреди палубы Сыту Мина, матушка Лю увлекла Дайюй к противоположному борту. Из переходов навстречу им как раз спешил слуга, ведя за собой еще одного гостя. На узком пятачке они едва не столкнулись лицом к лицу. Шарахнувшись в сторону от неожиданности, Дайюй оступилась. Нога соскользнула с влажного палубного настила в пустоту. Короткий испуганный вскрик — и барышня непременно рухнула бы в холодную воду у причала, если бы не мгновенная реакция шедшего навстречу юноши. Забыв о приличиях, он рванулся вперед и железной хваткой перехватил тонкое девичье запястье, рывком увлекая её обратно на палубу.

Матушка Лю побелела как полотно и с причитаниями вцепилась в воспитанницу. Спаситель, убедившись, что девица твердо стоит на ногах, тут же разжал пальцы и скромно отступил на два шага, прямясь и скрывая руки в широких рукавах халата.

Окружающие замерли, пораженные внезапным переполохом. Сыту Юй и встревоженный Сыту Цзинь в мгновение ока оказались рядом.

Сыту Мин лишь удивленно вскинул брови, наблюдая за сценой. Сама же Дайюй дрожала всем телом; краска сбежала с её лица, а шелковая шляпа с вуалью в пылу суматохи сорвалась с головы и безвозвратно канула в речную гладь.

Взорам юношей предстала хрупкая дева. Лицо её, лишенное укрытия, было бледным как чистейший нефрит, тонкие брови сошлись у переносицы, а в темных очах застыли слезы испуга. Хотя она была еще совсем юна, её небесный лик заставил присутствующих позабыть обо всем земном — столь неземной, чистой казалась эта красота.

Сыту Мин и его юный спутник застыли как громом пораженные, не смея отвести глаз. Они досадовали лишь на то, что испуганные служанки кольцом окружили барышню, скрывая её от нескромных взоров.

Убедившись, что с Дайюй все в порядке, Сыту Юй облегченно выдохнул, но стоило ему перевести взгляд на ошарашенных визитеров, как его лицо потемнело от гнева. Он грозно кашлянул, заставив обоих юношей поспешно потупить взоры.

Спаситель барышни, отрок лет тринадцати-четырнадцати, являл собою разительный контраст с порывистым Сыту Мином. На нем была изящная ученая шапочка и скромное, но дорогое шелковое платье, перехваченное поясом с резным нефритом. Тонкими чертами лица он походил на драгоценный яшмовый сосуд, а ясные очи светились не по годам глубоким умом — редкой красоты был юноша.

Потеряв спасительную вуаль, Дайюй и помыслить не могла о том, чтобы поднять голову и разглядывать спасителя. И все же этот юноша уберег её от падения; пусть прикосновение и нарушало строгие правила приличия, но закон уступает перед смертной угрозой. С трудом умирив трепет в груди, она тихонько поклонилась, выражая благодарность, и поспешила скрыться в каюте под опекой служанок.

Отрок, удостоившись нежного голоса и поклона прекрасной девы, заметно смутился и густо покраснел. Он порывался сказать что-то вслед, но натолкнулся на ледяной, предостерегающий взор принца и лишь выдавил:

— Пустяки... не стоит благодарности.

Едва дверь за Дайюй захлопнулась, Сыту Юй потерял всякое терпение. Не тратя лишних слов, он велел охране бесцеремонно выставить незваных гостей вшаей. Слава небу, что рядом не

было великого князя Сыту Жуя или господина Гу И — иначе с этих двоих сорванцов живьем содрали бы шкуру за подобное позорище.

Шестой принц, не заметив скрытых бурь, лишь искренне переживал за испуганную сестрицу. Не обращая внимания на злого старшего брата, он вихрем умчался следом за служанками, надеясь утешить Дайюй.

Оказавшись на причале, Сыту Мин не посмел выказать обиду. Он лишь озадаченно почесал кончик носа и с горькой усмешкой шепнул своему товарищу:

— Ну вот, сочли нас за разбойников и выставили прочь.

Его спутник, впрочем, стоял как во сне и, похоже, вовсе не расслышал жалоб друга. Не дождавшись отклика, Сыту Мин прищурился, вглядываясь в задумчивое лицо товарища, и вкрадчиво подначил:

— О чем это грезит наш первый столичный умник?

Очнувшись от легкого толчка, юноша поспешил прогнать наваждение и мягко улыбнулся:

— Да так... пустяки. Дивлюсь лишь, как нашему царственному кузену позволили покинуть столицу в столь беспокойное время.

Сыту Мин ни на грош не поверил этой уловке, но развивать тему не стал.

— Сам знаешь, я последние два года редко бывал при дворе, — негромко отозвался он. — Отец как-то обмолвился, что старший кузен почти не показывается в свете. Поговаривают, тут замешаны тайные дела великого князя Сыту Жуя. Да и шестой принц тоже с ним... Ох, темные дела творятся в поднебесной, один император знает, что у него на уме.

<http://bllate.org/book/18189/1760641>